

В древнеанглийском также существовало местоименное наречие *hwær* 'где', которое использовалось в прямых вопросах и также являлось своего рода выразителем пространственных отношений, напр.: *Hwær swom tearg hwær swom mago hwær swom maddum gyfa* (Exon. 77b) 'куда тот конь убежал, где ездок, где тот, кто дает богатство'; *Ða frægn wuldres aldor cain hwær abel eorþan wære* (Gen. 1003) 'тогда спросил уважаемого старца, где на земле Каин и Авель были'; *Ic næbbe hwær ic mæge ealle mine wæstmas gadrige* (Lk. Bos. 12, 17) 'не имею я (места), куда бы я мог собирать все мои плоды'; *Swæ gelærede biscepas swæ swæ nû wel hwær siendon* (Sw. 9, 5) 'Как выучили епископов, так теперь там хорошо'.

В древнеанглийский период отмечено также наречие *hēr*, имевшее пространственное значение 'здесь', 'в этом мире', напр.: *Ða ic hēr ærest com* (Cd. 29) 'когда я сначала сюда пришел'; *Hēr gehyrp Drihten ða ðe hine biddað and him syllep heora synna forgyfnesse. Hēr is his mildheortnes ofer ús ac ðer is se éca dóm* (Th. ii) 'В этом мире слышит Спаситель

тех, кто его просит, и дает отпущение их грехам. В этом мире есть его прощение над нами, но в другом есть вечное суждение'.

Среди разнообразных средств реализации пространственных отношений в древнеанглийский период наречия места являются носителями не только языковой, но и культурной информации, так как они отражают понятия, связанные с образом жизни и деятельностью человека. Ознакомление с системой ориентации в пространстве англосаксов на основе анализа микроконтекстов показало, что она сложилась преимущественно на основе ориентации относительно рек, морей либо других географических объектов. Это подтверждается и на языковом уровне, в частности в использовании наречий места при ориентировании на местности, в сухопутной и морской ориентации. В данном случае наречия места выступают своеобразными 'мерилами', помогающими в освоении окружающей действительности и упорядочивающими пространство.

Поступила в редакцию 19.04.2007

Литература

1. Бондарко А.В., Воейкова М.Д., Гак В.Г. и др. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб., 1996.
2. Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974.
3. Гухман М.М. Готский язык. М., 1958.
4. Ильиш Б.А. История английского языка. Л., 1973.
5. Стеблин-Каменский М.И. Древнеисландский язык. М., 1955.
6. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938.

Список цитированных памятников древнеанглийской письменности

1. A.S.Chr. – The Anglo-Saxon Chronicle, edited with the translation B. Thorpe
2. Bd – The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History.
3. Blickl. Homl. – The Blickling Homilies, edited by R. Morris.
4. Beo. – The Anglo-Saxon poems of Beowulf.
5. Beo.Th. – The Anglo-Saxon Poem of Beowulf, edited by B.Thorpe.
6. Lk.Skt. – The Gospel of St.Luke, edited by Skeat.

УДК 802/809.1

И.В. Новицкая

ГРАММАТИЧЕСКИЙ РОД И ЧИСЛО АБСТРАКТНЫХ / ОТВЛЕЧЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Томский государственный университет

Несомненной приметой морфологического обособления абстрактных/отвлеченных имен (АИ/ОИ) в современном русском, английском, немецком и других языках является их избирательность в отно-

шении грамматического рода и числа. При анализе морфологического маркирования абстрактного/отвлеченного лексикона в трех древнегерманских языках: готском, древнеисландском и древневерх-

ненемецком, нами были выявлены сходные предпочтения древнегерманских абстрактных/отвлеченных имен (АИ/ОИ) в отношении вышеозначенных грамматических категорий.

Согласно нашим наблюдениям, в готском языке АИ/ОИ представлены существительными всех трех грамматических родов при значительном численном перевесе абстрактных существительных ж. р. Все имена существительные с абстрактным значением в готском языке обладают полной парадигмой, т.е. изменяются по числам (ед. и мн.) и падежам (им., род., дат., вин., некоторые зват.). В древнеисландском (далее – ди.) и древневерхненемецком (далее – двн.) картина распределения АИ/ОИ по грамматическим родам существенно не отличается от готской и обнаруживает расхождения только в численном отношении. Категория числа в древневерхненемецком и древнеисландском находит свое регулярное выражение у всех имен данного ЛГР: и в двн. и в ди. АИ/ОИ засвидетельствованы в формах как ед. ч., так и мн. ч.

Таблица 1

Распределение АИ/ОИ по грамматическим родам

	Всего слов	Ж. р.	М. р.	Ср. р.
Готский	550	402 (73.09 %)	56 (10.18 %)	92 (16.73 %)
Ди.	5842	2715 (46.47 %)	1307 (22.37 %)	1820 (31.15 %)
Двн.	1969	1368 (69.48 %)	340 (17.27 %)	261 (13.25 %)
Итого	8361	4485 (53.64 %)	1703 (20.37 %)	2173 (25.99 %)

Судя по новейшим публикациям, в которых обсуждается проблема генезиса родовой классификации в и.-е. языках и отдельных грамматических родов [1–3], вопрос о родовой соотношенности АИ/ОИ и их отношении к категории числа необходимо рассматривать в совокупности.

В связи с тем, что распределение имен по грамматическим родам представляет собой одну из разновидностей именных классификаций в языках мира, не удивительно, что первоначально при описании подобных классификаций ученые ограничивались тем, что определяли принадлежность абстрактных слов к конкретным группам имен существующей в языке системы с целью выявить семантические или морфологические основания для подобного распределения [4–6 и др.]. В рамках исследования вопроса о мотивированности грамматической категории рода было установлено, что «родовые классификации складывались первоначально на основе первичного противопоставления по полу с последующим присоединением вторичных противопоставлений по различным качественным признакам предметов» [7, с. 23]. К числу

последних в и.-е. языках относились логические категории качества и количества, которые нашли свое языковое выражение в тесном и сложном переплетении: в противопоставлениях по полу, личности/неличности, одушевленности/неодушевленности усматривается грамматическое выражение логической категории качества, а в противопоставлениях по единичности/множественности, единичности/совокупности, увеличительности/уменьшительности – логической категории количества. При этом выражение количественных отношений средствами грамматического рода в и.-е. выступает как явление более позднего порядка, так как оно наложилось на уже сложившуюся родовую классификацию ИС [7, с. 22]. По мнению А.Т. Аксенова, проанализировавшего родовые системы 150 языков, при отсутствии морфологического критерия распределения имен существительных по родам в силу вступает семантический критерий, который не только увеличивает степень мотивации родовых классификаций ИС, но и вносит изменения в семантику рода (т.е. расширяет число семантических противопоставлений) и приводит к редистрибуции ИС.

Среди многочисленных теорий о генезисе родовой классификации и.-е. языков (см. обзор в 8) обнаруживается и иная точка зрения на последовательность выражения категорий качества и количества при формировании системы родов. Так, К. Бругман впервые высказал мнение о том, что у и.-е. суффиксов *-ā* и *-ei-* (*-i-*), традиционно ассоциирующихся с ж. р., значение «женскости» является вторичным по отношению к значениям собирательности и абстрактности [9, с. 23–26], которые семантически тесно связаны, так как в процессе семантической генерализации абстрактность порождает собирательность [2, с. 57]. Не получив широкого признания, данная идея была на время забыта, но спустя полвека получила дальнейшее развитие в работе У. Лемана [10]. Он предположил наличие в праиндоевропейском такой ранней именной классификации, которая включала три суффикса, каждый из которых обладал собственным значением, связанным с категорией числа: **-s* (индивидуализирующая характеристика), **-m* (результативность или стативность), **-h < *-ah* (собирательность).

Обратившись к еще более древним этапам существования данных суффиксов, А.Е. Маньков предложил авторскую концепцию их участия в становлении родовой классификации в и.-е. языках [1] на основе реконструкции развития праязыка. Согласно его точке зрения, наиболее древний суф. **-m* по происхождению являлся словообразовательным суффиксом неодушевленных имен (от праностратического **-mA* [11, с. 45–46, т. 2, № 284]). В раннеиндоевропейский период **-m* стал функционировать как словоизменятельный аффикс в связи с по-

явлением окончания *-s у одушевленных имен в им. п. ед. ч. С течением времени аффикс *-s, маркируя позицию появления признака одушевленности, стал присоединяться к именам и в единственном (*-s) и во множественном (*-e-s) числе. Однако в праиндоевропейском имелся еще один показатель множественности, *-H², отраженный как *-ǵ /ǵ̄ в им. п. мн. ч. имен ср. р. [12, с. 305, 330]. Этот формант был парадигматическим элементом и выражал собирательность, в отличие от *-e-s, выражавшего раздельную множественность. Таким образом, в праностратическом сформировались два парадигматических класса имен – одушевленные и неодушевленные, которые имели фиксированные показатели для выражения признака одушевленности/неодушевленности в позициях субъекта и объекта при активных и пассивных глаголах. Разделение одушевленного класса на две парадигмы в праиндоевропейском было вызвано исчезновением грамматической категории раздельного ~ собирательного мн. ч. и использованием показателя, выражавшего собирательность, в качестве форманта женского пола. Показатель, выражавший одушевленность (недифференцированную в отношении пола), стал показателем мужского пола. В результате денотатам имен, которые мыслились как одушевленные, приписывались мужской или женский пол, тем самым превращая род в грамматическую реализацию понятия пола [1].

В свете вышеизложенной теории определенный интерес представляют исследования Е. Лайс, [13], которая проанализировала связь категории грамматического рода с категорией числа и, опираясь на фактический материал древневерхненемецкого, установила категориальные значения трех грамматических родов, согласно которым древневерхненемецкие существительные выбирали род: м. р. – исчисляемое – *singulative* (единичность), ср. р. – неисчисляемое – не обладает категорией числа, ж. р. – собирательность – *non-distributive plural* (неразлагаемое множество).

Позднее было обнаружено, что в ЛГР абстрактных существительных современного немецкого языка абстрактные имена распределяются по той же модели: «Благодаря своему большому разнообразию они <абстрактные существительные> могут быть распределены в континууме. Интересным результатом является тот факт, что для данного континуума можно принять три центральные точки отсчета, параллельные трем грамматическим родам: в то время как абстрактные существительные м. р. имеют тенденцию к выражению крайней индивидуальности, абстрактные существительные ср. р. стремятся к выражению крайней континуальности. Абстрактные существительные ж. р. располагаются посередине, обладая чертами сходства с обоими

полюсами» [3, С. xxxiv] (перевод цитаты мой. – И.Н.).

Примечательно, что взаимосвязь рода с семантикой исчисляемости/неисчисляемости прослеживается и у других языков с родовыми классификациями [3, с. xxxiv]. Однако количественное значение родов при этом может разительно отличаться. Например, в некоторых иранских языках (в шугнанской группе) женский род выражает отдельное и единичное, а в значении собирательного или общего понятия слово переходит в мужской род [7, с. 18].

Как уже было отмечено выше, АИ/ОИ в трех исследуемых древнегерманских языках представлены существительными всех трех грамматических родов. Их отношение к категории числа отличается определенным своеобразием, которое заключается в ограничении использования форм мн. ч. (многие АИ/ОИ не засвидетельствованы в формах мн. ч.), а также в согласовании со сказуемым, стоящим преимущественно в форме ед. ч. [14]. Чем вызвано подобное избирательное поведение лексики с абстрактным значением? Вполне возможно, что обрести некоторую ясность в данном вопросе поможет обращение к семантике самой категории числа.

Согласно традиционной трактовке, число имени существительного является словоизменительной категорией с четко очерченным ядром (включающим ИС с выраженным противопоставлением по числу, отражающим реальную единичность и множественность предметов) и периферией (ИС с невыраженным противопоставлением по числу) [15, с. 397]. Однако исследования форм множественного числа ИС, включая субстантивную лексику с «нестандартным числовым поведением» [16, с. 469], показали, что исключение семантики имени из анализа грамматических данных неправомерно. Дело в том, что грамматическая категория числа ИС оказалась не такой прозрачной и однозначной, как это мыслилось до недавнего времени, и была теснейшим образом связана со словообразовательной, деривационной функцией. Например, АИ в формах ед. и мн. числа обнаруживают качественные различия, непосредственно затрагивающие лексическое значение слова, например, англ. *work* «работа» (неисчисляемое) – *a work* «работа» (исчисляемое) [17, с. 5]. Р. Лангакер также подчеркивает разницу между абстрактным существительным как неисчисляемым (*belief*) и исчисляемым (*a belief*) в английском языке. Например, *a jump* может рассматриваться как ограниченный пример абстрактного *jumping* (это не отдельный эпизод основного процесса, а обобщенное понятие) [18, с. 99]. Образование форм множественного числа у этих существительных связано либо с усложнением смысловой структуры, развитием у него нового

значения, либо с образованием слова-омонима [19, с. 89].

Вследствие этого в специальной литературе прозвучала мысль о том, что для отражения реального положения вещей с множественным числом необходимо признать категорию числа лексико-грамматической (классифицирующей) [16, с. 484; 20, с. 6; 21, с. 46–47] и подвергнуть ее когнитивному анализу, в результате которого можно выявить семантическую специфику за морфологическими особенностями отдельного имени. «Каждое существительное мыслится как элемент расчлененной, занимающей разные участки пространственно-временного континуума совокупности однородных элементов. Противопоставление по числу для всего множества ИС является факультативным, а потенциально возможная форма множественного числа связана со сдвигом значения в сторону его конкретизации» [22, с. 179, 185]. Будучи логической (когнитивной) категорией, число ведет себя активно в процессе отражения действительности и специфически организует свое представление в языке, выявляя разное отношение к ней со стороны отдельных ЛПР ИС. Поскольку множественность тесно связана с чувственным восприятием мира («форма множественного числа заставляет мыслить об объектах в контексте их реального существования» [23, с. 73]), то физический видимый дискретный мир не только количественно измерим, но и считаем (яблоко – яблоки), физический видимый недискретный мир измеряем (сыр – много сыра). Физический невидимый недискретный мир (чувственный мир) и нефизический невидимый недискретный мир (мир идеальный, умопостигаемый, невещный, бестелесный) по-разному проявляют себя по отношению к идее числа, и в этом полнее открывается семантика самих существительных, обозначающих эти миры, – АИ/ОИ. По мнению Л.О. Чернейко, которая не считает, что АИ и ОИ образуют единый ЛПР, оба типа имен избирательно подходят к возможности использовать форму множественного числа. В тех случаях, когда семантика слова предполагает его выведение из пространственно-временного континуума, лишает его актуализированной связи с действительностью, отрывает от всех возможных носителей, АИ/ОИ не обладает формой мн. ч.: щедрость, престиж, грубость, слава, благородство. Но как только АИ/ОИ (или их лексико-семантические варианты) мыслятся по аналогии с физическими дискретными объектами, локализованными в пространстве и времени, они способны иметь форму мн. ч.: свободы (отсутствие стесне-

ний и ограничений на какую-либо деятельность), слухи (ничем не подтвержденные известия), радости (поводы для указанного состояния), впечатления (следы, оставленные в памяти чем-то пережитым), привилегии (источники материального блага, льготы) и др. При этом наблюдается усиление отрицательной коннотации у АИ/ОИ в формах мн. ч.: каприз – капризы, глупость – глупости [16].

Таким образом, подводя итог обсуждению морфологического своеобразия АИ/ОИ в отношении к грамматическому роду и числу, можно заключить, что *nomina abstracta* по мере их появления в древнегерманских языках органично вписались в уже имеющуюся структуру грамматической категории рода, которая базировалась на тесном переплетении морфологических и семантических признаков. Данные морфологического маркирования АИ/ОИ в трех древнегерманских языках свидетельствуют о том, что языковое поведение и классификация данного типа имен были обусловлены их проекцией на идеи количества и раздельности/нераздельности множества. Кроме того, важно учитывать и тот факт, что структурирование и парадигматическое оформление корпуса АИ/ОИ в древнегерманских языках происходило постепенно под мощным влиянием как экстралингвистических, так и внутрисистемных факторов, что повлекло за собой передислокацию части АИ/ОИ. Длительный период развития абстрактного лексикона в изучаемых языках привел к его хронологической многослойности, которая дополнялась жанровыми особенностями письменных памятников, послуживших источниками материала для исследования. Тем не менее в качестве общегерманской характеристики лексики с абстрактным/отвлеченным значением можно констатировать тенденцию к ее оформлению преимущественно женским родом и ограниченном использовании форм множественного числа. Какие факторы принимались во внимание при этом – морфологические или семантические – вот тот вопрос, который предстоит выяснить в ходе дальнейшего исследования. При этом важно помнить о том, что родовая классификация в и.-е. языках является вторичной по отношению к делению существительных по основам [24, с. 109]. Поэтому, на наш взгляд, следует искать причины тяготения абстрактных слов к определенным типам склонения и, следовательно, родам еще глубже в морфологической структуре слов, а именно в наиболее древних маркерах именных классов – основообразующих суффиксах.

Поступила в редакцию 19.04.2007

Литература

1. Маньков Е.А. Происхождение рода в индоевропейских языках // *Вопр. языкознания*. 2004. № 5.
2. Schields K. Some new observations concerning the origin of the Indo-European feminine gender // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. Bd. 91, Heft 1, 1977.
3. Unterbeck B. Gender: New light on an old category // *Gender in Grammar and Cognition. Trends in Linguistics. Studies and Monographs* 124. Berlin, New York, 2000.
4. Fodor I. The Origin of Grammatical Gender // *Lingua*, 1959. 8.1; 8.2.
5. Ibrahim M.H. Grammatical Gender: Its Origin and Development. Mouton: The Hague, Paris, 1973.
6. Corbett G.G. Gender. Cambridge, 1991.
7. Аксенов А.Т. К проблеме экстралингвистической мотивации грамматической категории рода // *Вопросы языкознания*. 1984. № 1.
8. Виноградов В.А. Варьирование именных классификаций // *Языки мира. Проблемы языковой вариативности*. М., 1990.
9. Brugmann K. The nature and origin of the noun genders in the Indo-European languages: A lecture delivered on the occasion of the sesquicentennial celebration of the Princeton University. New York, 1897. – цитируется по Шахмайкин А.М. Проблема лингвистического статуса категории рода // *Актуальные проблемы русистики. Диахрония и синхрония*. М., 1996.
10. Lehmann W.P. On Earlier Stages of the Indo-European Nominal Inflection // *Language*. 1958. Vol. 34. № 2.
11. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971. Т. 1. 1976. Т. 2. 1984. Т. 3.
12. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., Л., 1938.
13. Leiss E. Genus und Sexus. Kritische Anmerkungen zur Sexualisierung von Grammatik // *Linguistische Berichte*, 1994. Vol. 152. – цитируется по Unterbeck B. Gender: New light on an old category // *Gender in Grammar and Cognition. Trends in Linguistics. Studies and Monographs* 124. Berlin, New York, 2000.
14. Олейник В.А. Категория собирательности в готском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. Киев, 1986.
15. Современный русский язык (фонетика, лексикология, словообразование, морфология, синтаксис, пунктуация) / Под общей ред. Л.А. Новикова. СПб., 2001.
16. Чернейко Л.О. Абстрактные и отвлеченные существительные в их отношении к категории числа // *Языковая система и ее развитие во времени и пространстве*. М., 2001.
17. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.
18. Langacker R. Foundations of cognitive grammar. Vol. 2. California, 1991.
19. Усова В.И. К вопросу о компонентном анализе формантов множественного числа абстрактных имен существительных // *Тезисы VII Межвузовской научной конференции по романо-германскому языкознанию*. Пятигорск, 1970.
20. Никишин А.С. Грамматический род классических вхождений в древних германских языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.
21. Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове // *Вопр. грамматического строя*. М., 1955.
22. Ревзин И.И. Структура языка как моделирующей системы. М., 1978.
23. Ревзина О.Г. Категория языка в поэтическом языке // *Актуальные проблемы русской морфологии*. М., 1988.
24. Сизова И.А. Готский язык // *Языки мира (германские языки, кельтские языки)*. М., 2000.

УДК 802/809.1

В.В. Голубева

О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ВЫРАЖЕНИЯ ВОЗРАСТНЫХ КАТЕГОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ TODDLER, KID И BOY)

Томский государственный педагогический университет

Возраст человека очень тесно связан с понятием времени. Человек рождается, растет и развивается вместе с остальными объектами реального мира. «Жизненный опыт человека, психическая деятельность, все наиболее сильные впечатления и эмоциональные переживания связаны с переживаниями во времени» [1, с. 7].

Эти впечатления и эмоциональные переживания создают «субъективное время», то есть индивиду-

альное восприятие и осмысление человеком конкретных моментов его существования [1, с. 6].

Например, если изучить словарные дефиниции существительных, обозначающих человека определенного возраста в английском языке, то эти дефиниции обычно очень точно фиксируют возрастные рамки употребления таких слов, как baby, toddler, kid, child, boy, infant, teenager и т.д. Если принимать во внимание только физический возраст человека, то мы не можем